18+

СОВЕРШЕННЫЙ РЕЗОНАНС

Книга 1 РИТМ И ОТКЛИК

Светлана Топорова

Светлана Топорова

Совершенный Резонанс. Книга 1. Ритм и отклик

«Издательские решения»

Топорова С. В.

Совершенный Резонанс. Книга 1. Ритм и отклик /
С. В. Топорова — «Издательские решения»,

Между ними мало общего.Он — эмпат и преподаватель танцев. Каждый день впитывает чужие эмоции.Она — его ученица. Психолог и исследователь древних знаний.Через музыку, ритм и взгляды они начинают диалог, которого нет. А потом он становится глубже слов. И опаснее.Тайный артефакт, закопанный в московском лесу, открывает канал, соединяющий кубинскую традицию с древними знаниями Атлантиды. Но за ними уже следят те, кому не нужна чистая энергия, сферическое время и телепатия, открывающая сознание.

© Топорова С. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Эмпатия 6
Глава 2. Пакет 9
Глава 3. Алиса 11
Глава 4. Влияние 14
Глава 5. Ответственность 16
Глава 6. Ритмы 18
Глава 7. Оттенки 20
Глава 8. Тайна 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Совершенный Резонанс
Книга 1. Ритм и отклик

Светлана Владимировна Топорова

© Светлана Владимировна Топорова, 2026

ISBN 978-5-0071-4243-4 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-4244-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эмпатия

Начало февраля 2023 года.

Дамиан проснулся. В Москве не бывает тишины даже утром. За стеной кто-то включил пылесос, за окном уже шумели машины. Но он хотел продлить мгновения тишины внутри себя. Той тишины, которая наступает ненадолго между сном и явью. Посмотрел на телефон. До звонка будильника еще 22 минуты.

Он лежал, глядя в потолок. Семь лет в Москве. И каждое утро одно и то же ощущение себя в чужом мире.

Дамиану тридцать девять лет, и он всё ещё не знает, что делать с тем, что чувствует.

В родной Гаване утро начиналось с петухов, с голосов за стеной, с далёких ритмов. Здесь звуки другие — глухие, тяжёлые, как будто город не говорит, а гудит. Он научился не замечать их, но они всё равно есть.

Встал и пошёл в ванную. Посмотрел на своё отражение. Светлая кожа, чёрные волосы. Европейские черты лица. Карие, почти черные глаза. Отец был африканского происхождения, мать — испанской внешности, и в нём смешались две линии, которые никогда не могли договориться до конца. Он коснулся лбом холодного зеркала. Ритуал, который въелся в тело.

Сегодня суббота. К 11 часам в зале соберутся его ученики. Дамиан проведёт занятие по бачате. Он сделал себе кофе. Вдохнул аромат. Родной, как утро в Гаване.

Позавтракав, Дамиан оделся: тёмные брюки, толстовка, куртка. В спортивную сумку кинул белую футболку и шорты для зала. Переступил порог левой ногой. Даже не заметил, но тело помнит.

По пути продолжал считать шаги до остановки. Сто сорок четыре. Сто сорок пять. Сто сорок шесть.

Просто привычка. Он делал это, как делал всегда. Потому что если перестать, то всё, что держит его мир, развалится.

Эскалатор медленно спускал его вниз, тяжесть нарастала и отдавалась в висках чужим беспокойством.

Десятки, сотни людей в вагоне. Каждый нёс своё: тревогу, злость, усталость, страх. Дамиан не хотел этого слышать, но слышал сколько себя помнил. Это было как ощущения и звуки, которые невозможно выключить.

Женщина с ярким макияжем и красной сумкой боялась опоздать на работу. У неё дрожали пальцы, хотя она стояла неподвижно. Пьяный мужчина в кепке прятал злость на жену, которая не позвонила. Молодой парень в наушниках был одинок. Музыка играла, но он просто прятался за ней от собственных размышлений.

Дамиан стоял у двери и смотрел в чёрное окно тоннеля. Он научился не смотреть на лица. Но слышать и чувствовать их всё равно приходилось. Это было как дышать смогом — невозможно не дышать, но каждый вдох оставляет осадок.

———

В раздевалке было тепло и влажно, пахло потом и деревом. Дамиан переоделся и вышел в зал.

В зале уже собралось человек пятнадцать. Дамиан чувствовал их общий шум, но здесь, под ритмами музыки, он не давил — просто был фоном, как гул проводов.

Тогда, ещё на Кубе, он привык к этому. Там шум был другим: более живым, более открытым, как будто люди не прятали свои эмоции. Здесь, в Москве, он чувствовал, как они сжимаются внутрь, прячут свои страхи за спинами, за улыбками, за тишиной. Но музыка — она всё

равно находила их. Сначала медленно, потом увереннее. Он видел это на каждом занятии: как ритм начинает растворять напряжение, как плечи опускаются, как дыхание становится ровнее. Это было его работой и его даром — вести их через этот переход.

Особенно тяжело было с Нелей. Он видел её у зеркала — тёмные длинные волосы собраны в высокий хвост, на шее тонкая золотая цепочка. Подтянутое тело. Она двигалась с напряжением человека, который привык всё контролировать. Дамиан слышал под этим напряжением усталость, которая копилась в ней день за днём. Она управляла людьми, принимала решения, доказывала. Устала доказывать. Но не могла остановиться.

Он включил музыку. Бачата поплыла по залу. Медленная, с надрывом, как голос, который помнит что-то, чего уже не вернуть. Дамиан встал в центр, повернулся спиной к группе.

— Начинаем. База. В сторону, шаг, точка. Раз, два, три, четыре…

Он показывал движения, а группа повторяла за ним. Формат занятия соло — без касаний, без взаимодействий. Только он, его тело, его ритм — и зеркало, в котором ученики следили за ним. А он видел их через это зеркало: кто-то боялся ошибиться, кто-то слишком старался, кто-то уже устал и просто двигался по инерции. Их эмоции доходили до него, как отголоски — приглушённые, но ощутимые.

А музыка делала своё дело. Медленно, такт за тактом, напряжение начинало спадать. Он видел, как распрямляются спины, как уходят зажимы, как дыхание начинает совпадать с ритмом.

Он перешёл к связке — чуть сложнее, чуть быстрее. Группа стала сбиваться, но он сбавил темп, показал ещё раз медленно, и они пошли за ним. Это была его сила: он ощущал их как единое целое, знал, когда ускориться, а когда дать им передохнуть.

К концу занятия напряжение почти ушло. Даже Неля начала дышать иначе — легче, свободнее. Её плечи опустились, и в её лице появилось что-то мягкое. Он смотрел на неё в зеркало, и когда она случайно поймала его взгляд, он чуть прищурился и подмигнул — быстро, как старый знакомый. Она улыбнулась в ответ, и в этой улыбке было больше покоя, чем за весь день.

Неля пришла к нему не за танцем. Она пришла за тем, чтобы хоть на час перестать быть сильной.

— Спасибо, — сказал Дамиан, выключая музыку. И в зале оживленно зашумели, делясь эмоциями, хлопая и вздыхая. Уходя, они благодарили его и прощались до следующего занятия.

Он стоял у стены, чувствуя лёгкую усталость — уже не ту, что бывает у него от чужих эмоций, а ту, что бывает после хорошего занятия, когда всё сделано правильно. Он смотрел на учеников, которые расходились, и замечал, что многие из них улыбаются. Это была его работа. Не объяснять — просто вести их через ритм, через музыку, к тому состоянию, где тишина становилась громче слов.

———

Дамиан вышел из раздевалки. Он хотел быстрее оказаться на воздухе, в холоде, где чувства замерзали как снежинки и выдувались порывами февральского ветра.

Взялся за дверь.

— Дамиан.

Он обернулся. Неля стояла у стены, в пальто. В руках — тёмный пакет.

Он чувствовал её решимость. Она что-то задумала.

— Это тебе.

Она протянула. Он посмотрел на пакет, потом на неё. Он чувствовал: она боится, что он откажет. И в то же время знает — он не сможет отказать.

— Нет.

— Возьми.

— Зачем это, Неля?

Она шагнула ближе. Посмотрела прямо в глаза. И вложила свой пакет ему в руки.

— Я прошу, возьми. — и через секунду добавила: — Пожалуйста.

Голос спокойный, но в нём сталь. Она не предлагала. Она настаивала. И в этом он чувствовал её напор. Она не могла позволить ему уйти просто так. Ей нужно было оставить что-то. Как знак. Как след.

Дамиан хотел отказаться снова. Но увидел её взгляд. Она не отступит. Он знал таких людей. Они не просят — они требуют.

И ещё он понял: если он откажет сейчас, она сломается. Не покажет этого, но сломается внутри.

Он потрогал пакет. Что-то небольшое. Лёгкое.

— Что это?

— Откроешь дома. До встречи!

Она развернулась. Вышла. Дамиан смотрел на дверь. Пакет был холодный, но он ощутил внутри тепло — через ткань, через упаковку. Он не знал, что там. Но возможно, что это её доверие. Или её вызов. Или её просьба.

Он вышел на улицу. Снег падал. Дамиан уже не считал шаги до метро. Внутри были вопросы.

Кто она на самом деле? И зачем она ему это дала? Он боялся не того, что там лежит, а того, что почувствует, когда увидит.

Глава 2. Пакет

Оказавшись дома, Дамиан снял обувь и сразу прошёл в комнату. Не раздеваясь. Не снимая куртки.

Сумку оставил в прихожей, пакет — в руке. Он поставил его на стол, но не стал открывать.

Прошёл на кухню. Достал из шкафа бутылку рома. Он пил не для того, чтобы забыться. Он пил, чтобы выдержать. Весь день он впитывал чужие эмоции — как губка. Всё это оставалось в нём, оседало, как пыль на лёгких. К вечеру он задыхался.

Ром не убирал этот шум. Он делал его тише. Как если бы кто-то накрыл его толстым одеялом. Звуки стали глуше, эмоции — мягче, границы — размытыми. Он мог дышать. Он мог снять с себя чужую боль хотя бы на час.

Дамиан налил немного в стакан. Выпил одним глотком. Тёплая волна прошла по телу, и мир перестал давить.

Только тогда он вернулся к столу. Развязал пакет. Бумага зашуршала. Внутри была ещё одна упаковка — мягкая, бархатистая, тёмно-красная. Он развернул её и замер.

Внутри лежало ожерелье. Красно-чёрные семена, нанизанные на тонкую нить. Он сразу узнал их. Coralillo (Коралийо) — семена, которые в афро-кубинских традициях носят как защиту. Или в особых случаях. Темно-красные бусины с черным пятном. Твёрдые, чуть шершавые, отполированные хорошим мастером. И запах едва уловимый, старый. Запах масла и дыма священных трав.

Дамиан не дышал. Он с трепетом взял его в руки. Семена были прохладными и тяжёлыми. Очень старыми. И он знал: это не сувенир. Это вещь, которая прошла через руки.

Он перевернул ожерелье. На нити висела маленькая металлическая подвеска — почти стёртая, но он узнал её. Три горизонтальные линии и одна вертикальная, пересекающая их. Знак, который он знал. Который не мог забыть.

Знак, который наносили на ритуальные предметы.

Дамиан начал вспоминать. Он оказался снова в Гаване, какой она была двадцать лет назад. Молодой, только вошёл в сообщество.

Он закрыл глаза. Жара ударила в лицо. Комната, затянутая дымом, запах пота и трав. Мануэль стоял напротив, седой, с морщинистыми руками, которые держали ожерелье. Он надел его на шею Дамиана, и деревянные семена прилипли к коже.

«Это будет с тобой всегда, — сказал Мануэль. — Не теряй. Не отдавай. И помни: ты не один.»

Тогда Дамиан слишком хорошо понимал, что значит это ожерелье. Он носил его. Пока не уехал в Москву. Пока не снял. Но он помнил. И не забудет.

Дамиан открыл глаза. В руке было не то ожерелье. Другое. Чужое. Но оно было из того же круга.

Он посмотрел на металлический знак. Кто-то нанёс его сюда — не случайно. Тот, кто знал. Кто-то, кто был внутри их сообщества и точно знал, для чего это нужно.

Дамиан вспомнил: Неля говорила, что её отец работал на Кубе в 80-х годах. Инженер. Строил атомную станцию в Сьенфуэгосе. Там, в провинции, советские специалисты жили вместе с кубинцами. Работали, общались, дружили. Кто-то из них мог подарить это ожерелье. Кто-то, кто знал, что значит красно-чёрное семя Coralillo (Коралийо).

Но кто именно? И зачем?

Дамиан не знал. Но он держал ожерелье в руках, и его пальцы помнили. Помнили текстуру семян, их вес, их тепло. Он закрыл глаза и снова услышал голос Мануэля: «Не теряй. Не отдавай. И помни…»

Дамиан медленно сел на стул, чтобы восстановить дыхание, не выпуская из рук ожерелье.

Но была ещё одна ночь. Уже после инициации. Когда он сидел один в комнате с закрытыми глазами и слушал. Голос — не громкий, не человеческий — звучал внутри него. Он не помнил точных слов или образов. Только ощущение: что-то важное. Что-то о будущем.

И вдруг, сидя в холодной московской квартире с чужим ожерельем в руках, его охватила мелкая дрожь и комната исчезла.

Гавана. Жара не спадала даже ночью. Он сидел на полу в пустой комнате, пот стекал по спине. Свечи догорали. В ушах ещё гудел ритм барабанов с церемонии.

Тогда он впервые услышал Голос. Не снаружи — изнутри, как будто кто-то говорил прямо в центр груди: «Через двадцать лет ты встретишь женщину на чужой земле. Не ту, которую ждёшь. Твоя жизнь изменится кардинально».

Тогда он не понял, что это означало. Он был молод и думал, что это просто какие-то ритуальные слова. Или даже он сам это придумал. Прошло почти двадцать лет. Он совсем забыл.

Но сейчас он в Москве. С этим ожерельем в руках. И Голос вернулся.

Дамиан открыл глаза. Он посмотрел на ожерелье, на знак, на красно-чёрные семена. И его сердце сжалось.

Неля дала ему это. Она пришла в его зал три года назад. Она смотрела на него дольше, чем нужно. Была уверенной, сильной, настойчивой. Она пришла к нему не за танцем. Она искала что-то другое. Может быть, она и есть та женщина из откровения? Та, о которой говорил Голос?

Он не был уверен. Но он хотел ясности. Потому что если это она, то всё имеет смысл. Её упрямство, её настойчивость, её подарок — всё вело к этому.

Но что она сама знает об этом предмете? Он не мог рассказать ей о знаке, о Голосе, о том, что носит в себе. Потому что он дал обет. В день посвящения он поклялся хранить молчание. Никогда и никому не говорить о том, что видел, что слышал, что знал.

Семь лет в Москве он носил эту тайну внутри. И не мог рассказать этого никому. Даже если бы захотел.

Он посмотрел на ожерелье. Потом на бутылку рома. И убрал её обратно в шкаф.

Ожерелье осталось на столе.

Он лёг спать, но не мог уснуть. Ритм из далекого прошлого пульсировал в груди, и Голос, который он почти забыл, звучал снова. Он смотрел в потолок и ждал утра. Чтобы спросить её. Чтобы понять.

Глава 3. Алиса

На следующее утро Дамиан проснулся поздно. Ожерелье всё ещё лежало на столе — он не убрал его, не спрятал, не дотронулся до него снова. Оно просто было там. Как вопрос, на который он искал ответ перед тем, как уснуть.

Он сел на кровати. Взял телефон. Несколько секунд смотрел на экран — потом набрал номер Нели.

Она ответила почти сразу.

— Дамиан, как ты?

Голос у неё был тёплый, заинтересованный. Он понял, что она ждала этого звонка. Пакет — это был шаг, и она ждала, шагнёт ли он навстречу.

— Привет, — сказал он. — Я открыл пакет.

— Ну и? — в голосе улыбка, любопытство, надежда.

— Откуда у тебя это? — спросил он напрямую. Голос его был серьёзным, без игры.

Она помолчала. Поняла, что вопрос не про форму подарка, а про суть.

— Папина вещь, — сказала она. — Он привёз это с Кубы, когда работал там. Всегда говорил, что это особенный сувенир, но я не знала, что в нём такого. В прошлом году он умер. Я убиралась на антресолях и нашла это ожерелье. Не знаю… Просто захотела, чтобы оно было у тебя. Ты ведь с Кубы. Подумала, тебе это будет ближе, чем мне.

— Твой папа… Он говорил, кто дал ему это?

— Нет. Он не любил рассказывать о работе. Всё время в командировках — я почти не видела его. Знаю только, что строил там атомную станцию. В Сьенфуэгосе. Много лет назад.

Дамиан закрыл глаза. Сьенфуэгос. Та самая провинция, где советские инженеры работали вместе с кубинцами. Где кто-то из старших — кто знал язык, кто видел знак — мог передать ожерелье русскому коллеге. Но кто? И зачем?

— Спасибо, — сказал он. — Правда. Это… не просто сувенир.

— Я знаю, — сказала она. И Дамиан понял: она не знала ничего конкретного. Просто чувствовала, что это не просто вещь.

Они ещё немного поговорили о занятии, о погоде, о планах. Она предложила выпить кофе вечером перед следующим занятием. Он отказался. Он не мог. Не время. Не с этим вопросом в голове.

— Увидимся на занятии, — сказал он чтобы закончить разговор.

— Я приду, — ответила она.

———

Занятие началось ровно в семь вечера.

Дамиан уже стоял в центре зала, включил музыку. Сальса. Быстрая, живая — она заполнила пространство, заставила воздух вибрировать. Он оглядел группу.

Неля у зеркала — у нее все под контролем, как всегда. Он чувствовал её привычный настрой: сегодня она будет стараться ещё сильнее, чем в прошлый раз, чтобы доказать, что она лучшая. В ее глазах больше надежды, чем обычно. Катя у стены — одиночество, которое она прячет за улыбкой. Анна переобувается — её драма из-за развода, она пришла чтобы отвлечься от своей грусти.

— Начинаем. Сальса. Базовый шаг. Раз, два, три… пауза…

Группа повторяла. Через три минуты дверь приоткрылась. В зал вошла девушка смущенно улыбаясь. Светлые короткие вьющиеся волосы, серо-зелёные глаза. Чёрная майка, хлоп-

ковые штаны. Она была невысокой, почти хрупкой, но в том, как она вошла и встала в ряд, чувствовалась спокойная уверенность. Только прядь седых волос выдавала возраст.

Она не стала искать свободное место — быстро, почти бесшумно, встала в последний ряд и тихо сказала извиняясь одним только взглядом:

— Добрый день.

Дамиан кивнул, не останавливая занятия. Он не любил опоздания. Но ничего не сказал. Пусть танцует.

Посмотрел на неё мельком. Первый раз пришла. Люди заходили попробовать. Иногда оставались. Иногда нет.

Новая девушка двигалась легко, сразу попадая в ритм. Базовый шаг давался ей без усилий. Но он видел зажатость в плечах, и это делало её движения чуть скованными.

Он подошёл к ней, чтобы поправить плечо, — и вдруг почувствовал тишину. Она стояла рядом, двигалась в такт, но от неё не исходило ни тревоги, ни радости, ни напряжения. Как будто она была стеклянной. Прозрачной. Он видел её, но не чувствовал. За семь лет в Москве он привык к русским. Их напряжённые плечи, их спрятанные улыбки, их привычка держать дистанцию. Всё это он научился читать. Но в ней было еще что-то странное.

Он отошёл и продолжил занятие. Краем глаза он смотрел на неё. Она не искала его взгляда. Она просто танцевала.

Через пять минут перешли к парной практике. Он обратился к новой девушке.

— Покажу тебе основные движения.

Она кивнула и подошла. Он взял её за руку. Увидел на правом запястье красную нить. На мгновение замер от неожиданности. Затем положил ладонь ей на спину и подал сигнал: шаг назад, шаг вперед, поворот, энчуфла, смена мест.

Она поняла. Шагнула назад, повернулась — и вернулась. Без вопросов, без паузы. Как будто делала это сотни раз. И Дамиан почувствовал как легко она реагировала на ведение, её тело знало танец. Не сальсу — но возможно, что-то близкое. Когда музыка затихла, он остановился.

— Ты занималась раньше?

— Немного, — сказала она спокойно. — Это было давно.

Она улыбнулась — в этой улыбке не было ностальгии. Просто констатация факта.

Он отпустил её руку и отошёл. Но внутри у него осталось странное ощущение. Она была рядом, она двигалась с ним, и он не чувствовал её. Ни волнения, ни желания, ни вопроса. Это было необычно.

Когда музыка затихла, и занятие подошло к концу, он сказал с улыбкой, полной кубинского обаяния:

— Спасибо.

Уставшие, но все еще разгоряченные ученики начали расходиться. Неля что-то сказала Кате, она засмеялась. Анна медленно собирала вещи. Новая ученица уже была у двери.

Дамиан смотрел на неё, на её светлые волосы. Она не оглядывалась. Она собиралась уйти как пришла — тихо, незаметно. Но в этот момент внутри него что-то дрогнуло.

Он не знал, что это было. Не мысль. Не голос. Просто ощущение в груди — как теплая волна наполняющая грудь после задержки дыхания. Он смотрел на неё и вдруг понял: она и есть та, о ком говорил Голос.

Она вышла. Дамиан стоял в зале. В груди всё ещё гудело эхо уверенности, у которой не было причин. Он вспомнил, как утром был уверен, что это Неля. Теперь он понял, что ошибался.

Он не знал, откуда взялась эта уверенность. Она просто пришла. И он больше не мог её игнорировать.

Ещё этот знак на запястье. Он не верил в совпадения. Красный — это кровь. Нить — это связь. Правое запястье — действие. Свободный узел — выбор. Она не из его мира. Но она уже в нём. Она — та, кого он должен встретить. Для чего?

Дамиан продолжал стоять. И смотреть на дверь, в которую вышла та, о ком он не знал ничего, даже как её зовут.

Он дождался когда все выйдут. Закрыл зал на ключ.

В раздевалке он думал о ней. О её тишине. О том, что она сказала «немного» — и ничего не объяснила. На выходе за столом администратора заглянул в записи на его занятия чтобы расписаться и узнать ее имя. Ее зовут Алиса.

Вышел на улицу. Было морозно.

Он не знал, придет ли она снова. Но очень хотел, чтобы пришла.

Глава 4. Влияние

Суббота. Алиса пришла ровно в 11.

Дамиан уже стоял в центре зала. Музыка играла — бачата, медленная для разминки. Он увидел её в дверях: светлые волнистые волосы, серо-зелёные глаза. На ней была ярко-голубая футболка, свободные штаны, синие кроссовки. Улыбка — лёгкая, как будто она знала что-то, чего не знали другие.

Она вошла без опоздания. Без смущения. Просто встала в ряд.

Он заметил: она выбрала место не случайно. Сзади, чуть сбоку от него. Так, чтобы он хорошо видел её в зеркале. Она не смотрела на него прямо — она смотрела на его отражение. И он смотрел на её.

Это было удобное положение — видеть её всегда, но не лицом к лицу. Можно было сосредоточиться на ней, и общий фон личных историй других учеников отходил на второй план.

— Начинаем. Базовый шаг.

Он повернулся к группе спиной и начал показывать движения. Это был формат соло, где каждый работал сам с собой, повторяя движения за Дамианом. Никаких взаимодействий в паре, никаких поправок. Только музыка и тело.

Группа повторяла за ним. Он чувствовал их, как всегда. Кто-то сбивался, кто-то напрягался, кто-то пытался угадать следующее движение. Обычно к концу разминки энергия была чуть более ровной, но быстро расползалась в разные стороны.

А сегодня было иначе. Он смотрел в зеркало и видел её. Алиса двигалась мягко, легко, без усилия. И от неё шло что-то тёплое — не как от человека, а как от первого солнечного луча на рассвете. Он не знал, как это объяснить. Но он чувствовал, что в этом зале воздух стал другим.

Он продолжил вести занятие. Показывал связки. Считал ритм. Менял музыкальные треки.

Потом он заметил: когда кто-то рядом сбивался, её плечи напрягались, пальцы сжимались — она улавливала чужие сбои, как свои. Когда она сама сбивалась в новой связке, она не останавливалась, но он видел, как её лицо становится сосредоточенным на долю секунды. А потом она быстро переключалась. Смотрела в зеркало прямо в его глаза, а не на ноги.

И в этот момент её тело становилось свободнее, дыхание спокойнее и глубже. Она переставала пытаться запомнить — она просто двигалась, как будто видела его целиком. И это помогало ей быстрее входить в ритм и повторять движения точнее, чем всем остальным.

К концу он заметил, что группа как будто дышит ровнее. Неля улыбалась — не своей дежурной, а настоящей улыбкой. Катя стояла прямо, без привычной сутулости. Анна выглядела почти счастливой.

Он не понимал, что происходит. Обычно он чувствовал их усталость, их постоянный стресс, хоть и в меньшей степени, чем перед занятием. А сегодня — тишину.

Дамиан знал эту тишину. Она была похожа на ту, что наступает в их сообществе посвященных после правильного ритуала. Когда барабаны затихают, и воздух ещё вибрирует. Когда люди не говорят, но дышат в одном ритме. Это случалось тогда в Гаване. Редко, но случалось. В Москве — никогда.

Неля тоже это заметила. Она на мгновение замерла, глядя в зеркало не на себя, а на неё. Потом отвела взгляд и с улыбкой снова сосредоточилась на движениях.

Он посмотрел на Алису ещё раз. Она стояла на своём месте и улыбалась. Ей, казалось, не нужно было никуда стремиться. Она просто была здесь. И этого было достаточно.

Когда занятие закончилось, она ушла сразу. Не попрощалась. Даже не оглянулась.

Она приходила снова. И снова. Розовая майка, цветная блуза, свободные штаны — она одевалась по-разному. Иногда ярко, иногда строго. Свободно. Легко.

Она никогда не подходила к нему первой. Но он ждал её каждое занятие. И каждый раз, когда она входила, воздух в зале становился чуть прозрачнее.

Глава 5. Ответственность

Наступила весна. Снег таял, и Москва становилась серой, мокрой, но воздух уже пах иначе — сыростью и землёй, которая наконец-то освободилась от холода.

Дамиан позвонил дяде Пабло во вторник вечером. Пабло был в Москве уже двадцать лет. Он приехал в самом конце 90-х, когда на Кубе было особенно тяжело, и остался. Открыл свою студию танцев, женился, потом развелся, научился говорить по-русски. С акцентом, но вполне понятно.

Дядя разрешил воспользоваться пустой квартирой на Полежаевской — старая, но тихая, и никто не помешает. Ключи Дамиан забрал в среду.

———

В субботу вечером он поднялся на второй этаж старого московского дома. В прихожей стоял выцветший шкаф, в гостиной — продавленный диван и журнальный столик на гнутых ножках. Дамиан зажёг свечу, поставил её на стол. Свет мягко разлился по комнате, делая эту старую квартиру почти уютной. Заварил кофе, налил три чашки и поставил их на столик рядом с диваном.

Через несколько минут пришли двое.

Первый — лысый, плотный, с тёмными глазами, которые смотрели так, будто видели больше, чем показывали. Дамиан знал его хорошо и уважал: Антонио. Второй — помоложе, худой. Он держался скромно, но с достоинством — Хавьер.

Оба гостя были кубинцами африканского происхождения. Дамиан на их фоне выглядел почти европейцем, но говорил, двигался и слушал так, как умеют только те, кто вырос в Гаване.

— ¡Qué tal (Как ты), Дамиан! — Антонио шагнул вперёд, крепко обнял, хлопнул по спине.

— ¡Asere, cuánto tiempo (Дружище, сколько лет)! — Дамиан улыбнулся, вглядываясь в лицо друга. — Не стареешь.

— А ты выглядишь как человек, который слишком много работает.

Хавьер подошёл спокойнее, пожал руку, задержал её на секунду. Он был моложе — лет тридцати пяти, с острыми скулами и внимательными глазами, которые цеплялись за детали: свеча, три чашки, кофе. Он ничего не сказал, просто кивнул.

— Садитесь, — сказал Дамиан, показывая на диван. — Кофе тут есть.

Антонио сел на продавленный диван, откинулся на спинку, взял чашку. Вдохнул запах.

— Ужасный кофе, — сказал он. — Где ты взял?

— Здесь другого не было.

— Ладно, — усмехнулся Антонио. Он отпил кофе, помолчал, потом добавил: — Внучка родилась. На Кубе. Ей уже три месяца.

Дамиан улыбнулся:

— Поздравляю. Ты не говорил раньше.

— Не говорил, — сказал Антонио. — Не знаю, почему. Может быть, боялся, что не доеду. Там сейчас нелегко.

Он замолчал, глядя в чашку. Дамиан не нарушал тишину.

Хавьер сидел тихо. Он не пил кофе, просто смотрел на свечу, иногда переводил взгляд на Дамиана. Будто ждал.

Антонио допил кофе, поставил чашку на стол.

— Ты позвал нас не просто так. Что случилось?

Дамиан развернул ткань, которую принёс с собой. На ней лежало ожерелье. Красно-чёрные семена. Металлическая подвеска с тремя горизонтальными линиями и одной вертикальной.

Антонио замолчал. Он не касался ожерелья — смотрел на него, как смотрят на что-то знакомое, но забытое. Потом медленно поднял удивлённые глаза на Дамиана.

— Откуда у тебя это?

— Мне подарили. Женщина. Её отец был советским инженером в Сьенфуэгосе в 80-х.

— Она знает, что это?

— Нет. Она нашла его после смерти отца.

Антонио взял ожерелье в руки. Пересчитал бусины. Остановился на двенадцатой. Провёл пальцем по подвеске.

— Двенадцать, — сказал он. — Это не просто защита.

Он посмотрел на Дамиана:

— Ты знаешь, что это значит?

— Конечно.

Антонио продолжил:

— Кто-то из старших отдал это русскому. Добровольно. Не просто за дружбу. Это что-то большее. Может быть, тот инженер помог ему в чём-то, что стоило больше, чем ожерелье. А может быть, он просто чувствовал, что время придёт, и вещь должна остаться.

— Я не знаю, кто он был.

— Ты и не должен знать.

Антонио протянул ожерелье Хавьеру. Тот взял его бережно, как берут очень ценную вещь. Провёл пальцами по бусинам, задержался на подвеске. Посмотрел на знак — три горизонтальные, одна вертикальная — и медленно кивнул. Потом вернул ожерелье Антонио, не проронив ни слова.

Он положил ожерелье на ткань и подвинул его к Дамиану.

— Ты должен принять его. Ты был избран, Дамиан. Не мной. Не ими.

Он замолчал. Слова повисли в воздухе. Затем добавил, вставая с места:

— Но мы должны сделать всё правильно.

Антонио провёл короткий ритуал очищения ожерелья. Дамиан и Хавьер помогали. Священный предмет прошёл через разные руки. Это надо было снять.

Когда они завершили, Дамиан посмотрел на ожерелье. Потом взял его бережно и надел на шею. Семена были прохладными — но через несколько секунд он почувствовал, как они нагреваются, будто узнавая его.

— Ты не просто член братства, — сказал Антонио. — Ты теперь хранишь то, что пришло с нашей земли. Это подтверждение, что ты — проводник и хранитель Силы.

Антонио поднялся с дивана. Подошёл к Дамиану, положил руку на ожерелье, едва касаясь его кончиками пальцев. Закрыл глаза.

Хавьер бесшумно шагнул ближе и встал рядом, чуть позади. Он не касался Дамиана — он просто был там. Как свидетель.

Тишина длилась всего несколько секунд. Потом Антонио открыл глаза и убрал руку.

— Оно приняло тебя, — сказал он. — Мы можем идти.

Они направились к выходу. У двери Антонио обернулся:

— Nos vemos. Cuídate. (Увидимся. Береги себя.)

Они вышли. Дверь закрылась.

Дамиан остался один. Свеча догорала на столе. Он поднял руку и коснулся ожерелья. Семена были тёплыми, как будто впитали его собственное тепло.

Он стоял в пустой квартире и чувствовал, как жизнь направляет его куда-то, куда он не планировал идти.

Глава 6. Ритмы

Алиса приходила на занятия регулярно. Но через некоторое время стала куда-то уезжать. И всегда предупреждала.

Перед каждым отъездом Алиса подходила к Дамиану после занятия, когда зал уже пустел. Коротко, без лишних слов: «Я уезжаю на неделю, вернусь во вторник». Или: «Две недели меня не будет, приду снова десятого числа». Он кивал, не спрашивая, куда и зачем. Ему было достаточно знать, что она вернётся.

Когда её не было, зал снова становился тяжёлым. Без неё всё возвращалось на круги своя — Неля напряжена, Катя молчалива, Анна грустит. Дамиан снова впитывал чужую боль, и к концу дня он уставал сильнее. Он выпивал больше обычного, не замечая этого. Только когда она возвращалась — в новой майке, с улыбкой и лёгкой походкой — он выдыхал.

Со временем он привык к её изменчивости. Каждое занятие — новый топ, новая блуза, новый образ. Он не знал, почему это привлекало его внимание. На Кубе женщины одевались ярко, но иначе — с вызовом, с открытостью. Алиса была другой. Её одежда не кричала, она звучала.

Он запоминал музыкальные треки, которые ей нравились. Замечал не сразу — сначала просто видел, как она чуть заметно кивает на определённой ноте, как её улыбка становится теплее на знакомой мелодии. В его культуре музыка никогда не была просто музыкой. Ритм — это голос. Текст — это послание. Он видел, что она синхронизировалась с ритмом так, как это делают те, для кого музыка — не фон, а язык. И когда он ставил в конце занятия трек, который она любила, она смотрела на него в зеркало с улыбкой благодарности.

Они не говорили об этом. Но он знал: она чувствует его внимание. И она отвечала тем же.

На занятиях без неё он чувствовал пустоту. Воздух был тем же, а дышать — тяжелее. Но когда она возвращалась, зал наполнялся её присутствием. Она не стремилась быть в центре, но всё пространство перестраивалось вокруг неё.

Он заметил это не сразу. В очередной раз она вернулась после двухнедельного перерыва. Он увидел её в дверях, и в груди что-то заиграло. Она заняла своё место — сзади, чуть сбоку. Он видел её в зеркале. Музыка поплыла медленно, призывно. Он начал показывать движения, но краем глаза следил за ней.

Алиса двигалась мягко, как всегда. И вдруг он заметил.

В пространстве зала возникло что-то новое. Он не мог объяснить этого словами — но его тело знало. Это было похоже на то, что он чувствовал в Гаване во время ритуалов, когда старшие начинали вплетать в круг хлопки, песни и звуки. Это было состояние, когда человек становится проводником. Когда он поет, или двигается, и всё вокруг начинает двигаться с ним.

Он посмотрел на неё в зеркало. Она стояла спокойно, улыбалась. И вдруг он увидел — не глазами, а внутренним зрением — как от неё расходятся тонкие линии, похожие на свет. Они переплетались с ритмом музыки, огибали учеников, касались их плеч, их спин. Люди не замечали этого, но их тела отвечали. Неля расслабилась. Катя распрямилась. Анна улыбнулась.

Он видел это много раз в Гаване. Старшие делали это движениями рук. Алиса делала это своим присутствием. Он не знал, как у неё это получалось. Но он видел и чувствовал тот же результат, что и тогда в прошлом. Его тело помнило.

На следующем занятии он увидел, как от неё расходятся волны — плавные, текучие, как движение воды. Они огибали группу, и люди начинали дышать глубже. Он узнавал этот образ: в ритуалах вода — это память. Течение — это время. Алиса не просто успокаивала людей — она возвращала им их собственный ритм.

Он больше не пытался анализировать. Он просто наблюдал и удивлялся. В какой-то момент — когда она снова встретила его взгляд в зеркале — он не смог сдержать улыбку пони-

мания. Не как преподаватель. Не как кубинец, который изучает чужое. Как человек, который узнал в чужом своё.

Она улыбнулась в ответ.

И он понял, что Алиса знает. Что он тоже видит. Что он чувствует больше, чем остальные. И она не боится этого, а только радуется совместному творчеству. Она воспринимает его как настройщика ритмов и вплетает в эти ритмы что-то своё. Это как будто их совместный ритуал. О котором знают только двое.

Глава 7. Оттенки

Весна вступила в свои права. Снег сошёл, и Москва обнажилась — мокрая, всё ещё лысая, но уже тёплая.

Утром, собираясь, Дамиан достал ожерелье из ящика стола, подержал его в руках, потом убрал обратно. Оно ждало своего часа. Он не знал, когда этот час наступит, но чувствовал — что-то должно произойти. Что-то важное. Дамиан не носил ожерелье на себе, но оно всегда было рядом — дома, в ящике, как напоминание о том, кто он теперь есть. Он не прятал свою принадлежность, но и не выпячивал её. Она была в нём, как ритм, который не нужно объявлять.

Дамиан пришёл за десять минут до начала занятия. Он не вошёл в зал — сел в коридоре, на скамью у стены, и смотрел на пустой зал через стеклянную дверь. Сегодня будет парное занятие по сальсе. Он знал, что Алиса придёт. И он знал, что ему придётся танцевать с ней. Как и с другими.

Он откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза. Вспомнил, как Алиса пришла на прошлое занятие в жёлтой майке с романтичными рюшечками. Тогда он почувствовал от нее что-то лёгкое, почти игривое. Её стопа ставилась мягко, без напряжения, и в поворотах она чуть задерживалась, чуть дольше сохраняла контакт с ним, чем требовала музыка. Он знал этот язык. Когда девушки хотят привлечь внимание. Но могло ли это быть случайностью? Её улыбка была чуть загадочнее, чем обычно, её взгляд чуть дольше задерживался на нём, когда она поворачивалась. И внутри него поднималось что-то тёплое — детское любопытство, интерес, вопрос. Ей нравится играть с ним в какую-то игру? Или ему это показалось?

На позапрошлой неделе она пришла на сальсу в красной блузе, завязанной на поясе узлом. Тогда её тело двигалось свободнее, чем обычно, и он ощущал, как внутри него поднимается жар. И когда она поворачивалась к нему лицом, в её взгляде мелькало что-то более тягучее, чем просто наслаждение ритмом танца. Это было как напряжение в воздухе перед грозой — он чувствовал, как она притягивает его. Как будто горячие искры проникают в его тело через руку, через плечо, через каждый сантиметр соприкосновения. Он сбился тогда, всего на мгновение, и её бровь чуть дрогнула — она заметила эту заминку.

А ещё раньше, когда она танцевала с ним в бирюзовом кружевном топе, он услышал в ее движениях спокойствие и уют — её присутствие было как вода, которая омывает его от всего, что он накопил за день. Она не пыталась его изменить, не пыталась занять его мысли. Она просто была рядом, и этого было достаточно, чтобы он почувствовал себя собой.

Сегодня он думал, что она принесёт с собой новое. Или повторит что-то из прошлого. Он не знал чего от нее можно ожидать. В ней была одновременно и непредсказуемость и гармония. Как в хорошей музыкальной аранжировке.

Группа собралась. Алиса вошла, улыбнулась ему, как всегда. Сегодня на ней была розовая футболка с нарисованными крыльями на спине. Лёгкая, почти невесомая. Он заметил, как она встала — мягко, без суеты, и сразу вошла в ритм.

— Начинаем. Разминка.

Группа двигалась за ним. Он видел, как Алиса повторяет движения: её руки двигались плавно, без лишнего усилия, а корпус оставался собранным, но ещё слегка зажатым. Через десять минут он остановил музыку и начал парную практику.

— Делаем круг. Танцуем один трек, потом меняемся партнёрами.

Он взял Алису за руку, положил ладонь ей на спину. Она дышала в такт музыке, её тело было готово к движению, но не суетилось.

Они задвигались. И в этом танце он почувствовал нежность. Она шла от неё, как тепло от земли после дождя. Каждое её движение было пропитано мягкостью и вниманием, не требуя

ничего взамен. Это было похоже на присутствие ангелов. Будто они существовали рядом, но не вторгались. Просто были.

Глядя на неё в зеркало и эти нарисованные крылья на её спине, он подумал: надо найти подходящий трек к этому образу. И задумчиво улыбнулся.

С другими партнёршами всё было иначе. Он чувствовал, как они сжимаются, когда он подаёт сигнал к повороту. Как их стопы отрываются от пола слишком поздно, как они задерживают дыхание на сложных элементах, как их мысли бегут впереди их тел. Всё это — страх ошибки, желание угодить, попытка предугадать следующее движение. Их тела говорили о напряжении, о неуверенности, о том, что они боятся быть несовершенными.

Алиса тоже могла во время изучения новых связок напрягаться и беспокоиться. Но с ней он всегда чувствовал что-то ещё. Будто ее тихий свет и тепло проникают в него глубже с каждым разом. И он чувствовал, как в этом танце рождается диалог двух душ, который невозможно создать одному.

Когда они кружились в повороте, её волосы коснулись его руки, и он почувствовал её запах — что-то лёгкое, цветочное, не навязчивое. Он закрыл глаза на долю секунды. Когда он открыл их, она смотрела на него в зеркало с той же улыбкой. И он понял, что она знает. Она чувствует его так же, как он чувствует её.

Занятие подходило к концу. Дамиан взял телефон, пролистал плейлист и быстро нашёл ту самую песню. В которой есть слова:

Aunque te vendas como ángel…
(Хотя ты притворяешься ангелом…)

Он поставил её в конце, когда группа уже устала, когда музыка могла быть медленной и мягкой. Он не сказал ни слова. Просто включил.

Этот трек Алисе сразу понравился. Он это увидел по выражению лица. И когда она услышала слово «ангел», сначала не поняла — просто повернулась к нему в поисках взгляда. Он встретил её глаза и чуть заметно кивнул. Ей не нужно было объяснений. Она улыбнулась, и в этой улыбке была признательность за песню которую он поставил для неё.

Она будет искать потом перевод текста этой песни, подумал Дамиан.

Занятие закончилось. Перед тем как уйти Алиса коротко попрощалась и чуть замедлив, вспомнив нужные слова, добавила: «Gracias por la música (Спасибо за музыку)».

После занятия Дамиан шел по улице, глядя в темноту и вдыхая сырость. Он чувствовал себя немного усталым, но живым.

Дамиан находился в недоумении от ее притягательной изменчивости. Он не знал, чувствует ли она то же самое или просто танцует так, как умеет. Но он понимал одно: ему всё труднее держать себя в руках.

Он боялся, что все увидят правду. Что он влюбился.

Глава 8. Тайна

Прошло несколько недель. Ожерелье всё ещё лежало в ящике стола. Дамиан снова вспоминал о нём, чувствуя странное притяжение и одновременно тревогу.

Неожиданно телефон зазвонил и прервал поток его мыслей. На экране высветилось имя Антонио. Дамиан поднял трубку и сразу услышал в голосе друга что-то необычное. Не страх, а скорее взволнованность, какую чувствуешь перед важным событием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.